

**Российская академия наук
Институт российской истории
Российской академии наук
Тверской государственный университет**

В. П. Булдаков, Т. Г. Леонтьева

**1917 год
Элиты и толпы: культурные ландшафты
русской революции**

**ИстЛит
Москва
2017**

УДК 94(47).084.1/2
ББК 63.3(2)535
Б90

Рецензенты:

Журавлев С. В., доктор исторических наук, профессор

Зверев В. В., доктор исторических наук, профессор

Пихоя Р. Г., доктор исторических наук, профессор

Б90 Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. 1917 год. Элиты и толпы: культурные ландшафты русской революции. — М.: Издательство «ИстЛит», 2017. — 624 с.

ISBN 978-5-9908943-6-5

Впервые на уникальной источниковой основе исследуются события 1917 г. в России под углом зрения столкновения культуры Модерна и архаики массового сознания. Показано, что и элиты, и массы были вынуждены по-своему реагировать на утрату имперского властного начала, произошедшего в разгар невиданного мирового конфликта. В результате замыслы образованного общества, намеренного подтолкнуть Россию к демократии путем заимствования западного опыта, натолкнулись на стремление масс по-своему решить свои насущные проблемы. Вслед за тем волна массового недовольства вытолкнула на вершину власти политических «футуристов» в лице большевиков, попытавшихся использовать энергию русского бунта в интересах мировой революции. Авторы показывают, что события того времени по-своему преломились в художественном творчестве и религиозном сознании. В результате Россия в полном смысле слова разорвалась между традицией и Модерном. Такая трактовка исторических смыслов русской революции предлагается впервые.

Книга адресуется специалистам, а также всем интересующимся особенностями и парадоксами русской культуры, по-своему воплотившимся в хаосе революции.

Книга издана при содействии фонда «История Отечества» и Германского исторического института в Москве.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой-либо форме без письменного разрешения владельца авторского права.

УДК 94(47).084.1/2
ББК 63.3(2)535

ISBN 978-5-9908943-6-5

© Булдаков Л. П., 2017

© Леонтьева Т. Г., 2017

© «ИстЛит», макет, обложка, 2017

— Ты слышишь, прокуратор? —
тихо повторил первосвященник.
— Неужели ты скажешь мне, что все это...
вызвал жалкий разбойник Вар-равван?

М. Булгаков. Мастер и Маргарита

Содержание

От авторов	9
Слагаемые «культуры взрыва». Вместо введения	17
1. От надежд к опасениям, от отчаяния к смирению: в водовороте революционной обыденности	56
1.1. Самообольщение свободой	57
1.2. Время «красных слонов»: эмоциональная палитра революции	73
1.3. От поэзии жертвенности к глумливой сатире.	102
1.4. В ожидании развязки	128
1.5. Между социальным хаосом и «чужой» властью	144
1.6. Тупики творческого воображения: понять неведомое?	167
1.7. Жертвы и пиндары мировой революции	189
2. Церковь, вера, прихожане: поиски духовных ориентиров	209
2.1. От войны к революции: коллизии веры.	212
2.2. Миряне против духовенства?	233
2.3. Демократия или соборность?	254
2.4. Новое государство и «старая» церковь	261
2.5. Бунтующая паства и растерянные пастыри.	275
2.6. Против «безбожной» власти.	289
2.7. Природа антицерковной репрессивности	313
3. Страсти настоящего, химеры будущего: слухи и страхи «красной смуты»	341
3.1. Образы «царского» насилия.	344
3.2. «Ангелы» и «демоны» революции	365
3.3. Оракулы масс	378
3.4. Подгоня большевизм.	392
3.5. Антибольшевистские иллюзии	421
3.6. Новогоднее отчаяние	446
3.7. Страхи на службе большевизма	464

4. Лицом к лицу с охлосом	483
4.1. Истоки деморализации масс	486
4.2. От хулигана к «революционеру», от революционера к насильнику	516
4.3. Самосуд как торжество «справедливости»	531
4.4. Революционное «веселие Руси». Что празднуем? . . .	562
После «взрыва». Вместо заключения	587
Именной указатель	599

От авторов

О русской революции написаны тысячи книг, однако люди по-прежнему недоумевают: что произошло? Вопросы, не находящие ответа, стимулируют не столько научный интерес к истории, сколько любопытство к былым «героям» и «злодеям». Можно только гадать, какие постаревшие призраки прошлого, в какой ипостаси и в какой аранжировке будут выскакивать, подобно чертику из табакерки, в связи с очередной годовщиной событий 1917 г.

Обычно люди слишком связаны суетностью настоящего для понимания истинной природы социальных катастроф прошлого. А потому сегодня, чтобы совсем не потерять лица перед величием хаоса Революции, одни авторы стремятся упростить ее до бессодержательных социологических формул, другие просто призывают забыть «неудобное» прошлое, как случайный кошмар. На фоне кровавых и грязных событий 1917 г. — а иначе не могло быть — мало кто из них отказал себе в «праведном» морализаторстве. Приятно осуждать других — это возвышает самого себя в собственных глазах. Удобно отгораживаться от ужасов, творимых «другими», — это снимает личную ответственность за происходящее. И, конечно, выигрышно покрасоваться на публике, впечатляя по-современному визуализированными сценками прошлого. Труднее понять, ощутить и прочувствовать дух *того* времени, независимо от того, нравится сегодня его «аромат» или нет.

Данная книга посвящена культурным коллизиям революционной эпохи. Не приходится доказывать, что искусство, религия, наука — ветви одного и того же дерева, именуемого культурой, хотя эпоха Просвещения, не говоря уже о Модерне, упорно разводила их. Вместе с тем под культурой в широком смысле слова следует понимать и ее «изнанку», причем революция обнажает не только все лучшее, но и все худшее в людях. В широком смысле слова культура — это просто совокупность людских энергий. И именно эта творческая энергетика человека, включая силу отрицания «неудобного» прошлого, творит историю. Культура, так или иначе пронизывающая каждое человеческое существо, незримо «командует» и прозрениями, и заблуждениями людей. И порой оказыва-

ется, что за падение общественной морали и «проседание» культурной среды несут главную ответственность те, кого принято считать носителями лучших достижений цивилизации.

В широком смысле революцию напропорчила вся русская культура с ее нетерпеливыми элитами. Православное мессианство пережедалось с духом культурного самоуничужения перед Западом. Жуткие предвосхищения Пушкина и Лермонтова соседствовали с утопическими порывами Гоголя единым махом сбросить с России пороки прошлого. Революция поселилась внутри России. Но какая революция? Анархо-гедонистическая — как у идеологов общинного социализма? Или марксистская, образом которой заодно с утопией Чернышевского вдохновлялся Ленин? И, может быть, «революция» Степана Разина и Емельяна Пугачева?

Можно до бесконечности перечислять иллюзии людей, которые, надеясь переломить историческую судьбу России, попеременно вопрошали неведомого кого: «Что делать? Кто виноват?» В сущности, ничего иного они не умели и не хотели делать, однако им удалось подтолкнуть процесс вытеснения власти бюрократической властью харизматической (М. Вебер), принявший, к их же изумлению, обвальный характер. Искушение будущим в силу невозможности найти себя в настоящем — это и есть главный психосоциальный источник всякого революционаризма. И если «прагматичная» Европа оказалась подвержена соблазну социалистической утопии, то что оставалось делать «беспочвенной» русской интеллигенции?

Задолго до 1917 г. было отмечено, что европейские ментальные недуги порождают на русской почве целые эпидемии. Самую смертоносную из них породило вторжение в Россию марксизма. Впервые русская интеллигенция столкнулась с утопией, покрытой броней «научного» знания. И этого выпущенного из бутылки джинна мог победить только более сильный джинн. Его *внутри* русской культуры не нашлось.

Конечно, нельзя сказать, что *вся* русская общественная мысль почувствовала себя перед марксизмом, как кролик перед удавом, а значительная ее часть безнадежно подседа на допинг простецкой доктрины. Известно, что богоискательству противостояло богостроительство — это была попытка спасения социализма от позитивистского вульгаризма. Заменить веру в коммуны верой в «Царствие Божие» (Ф. Достоевский) тоже не удавалось. Возможно, этому мешало тогдашнее состояние православия.

Так или иначе, очевидно, что в обстановке своего рода вселенской растерянности Россия заплутала в квазиреволюционных утопиях и мифах, получивших статус идей и идеологий задолго до 1917 г. Все это возросло на угнетенных эмоциях людей, далеких не только от социально-политической, но и от религиозной практики. В России во власти разочаровываются не раньше, чем она окончательно протухнет. Хаос ее саморазвала не случайно оседлала политики с «истиной в кармане». Их примитивная, но решительная «логика» не могла не соблазнить даже представителей образованного общества. Современная общественная мысль тем более заблудилась в калейдоскопе лживых образов прошлого, создаваемых властью, как всегда настроенной на то, чтобы обезопасить себя от угрозы всякой смуты. История не устает повторяться, людям не надоедает заблуждаться.

Чаще всего истории революции представляют как столкновение государства и элит, точнее *псевдоэлит* в лице политических партий. Однако к подлинным элитам в России имеет смысл относить только представителей творческих профессий. В прошлом роли *своей* культуры не замечали ни сами политики (включая автора «Истории русской культуры» П. Милюкова), ни тем более представители политизированной (точнее, индоктринированной, но при этом «служилой») интеллигенции. Напротив, творческие элиты были относительно равнодушны к политике, однако культура сама по себе всегда сильнее политики. Политика сама является частью культуры, хотя время от времени власть пытается навязывать людям творчества свои предпочтения. История революции в России — это история конфликта «застойной» государственности и творческого начала в человеке. Пониманию этого конфликта мешают эмоции, связанные с архаичной идеализацией власти.

Еще К. А. Гельвеций в книге «Об уме» отмечал, что источниками всех людских заблуждений являются или страсти, или незнание некоторых фактов, или непонимание истинного значения некоторых слов. Сегодня мы вновь пребываем во власти страстей, не желаем знать «неудобных» фактов, а вокруг некоторых терминов и концептов устраиваем настоящие мистерии. Так было и сто лет назад. Однако ни одну проблему нельзя решить на уровне пережитых страстей, былого неведения и старых семиотических культов.

Стало общим местом говорить о «двуслойности» российского культурного пространства. Однако не замечают, что и урбанистическая культура европеизированных «верхов», и традициона-

листская культура «низов» к началу XX в. редуцировались до «пло-ских» модальных манифестаций. В первом случае возобладало тяготение к западной демократии, во втором — к патерналистской архаике. При этом внутри той и другой «стадной» культуры чрезвычайно сильным оставался авторитарный компонент.

Всякая культура имеет свои пределы внешней конвенциональности. Как бы то ни было, в 1917 г. к глобальному противостоянию мировых культур в России добавилось их внутреннее столкновение. Это не могло не отразиться на непосредственном творчестве — при всей его индивидуалистической (по определению) «независимости». И без этого также трудно понять революцию.

Культура немислима без культов и «культиков». В мирное время их роль могут сыграть оппозиционные «властители дум» и неформальные лидеры более мелкого пошиба. В условиях социальной турбулентности они способны превратиться в «вождей» и «вожжков». Все это — естественное следствие развала старой авторитарно-патерналистской системы.

Масса российского населения не была культурно отформатирована для политики западного типа. Тем не менее русская интеллигенция в своем подавляющем большинстве упорно хотела жить в *российской культурной среде* по законам и *принципам западной политики*. Прошло более столетия, а исследователи русской революции не желают замечать этого *эксплозивного* противоречия. Трудно вообразить более нелепую историографическую ситуацию, не только не противостоящую предрассудкам, но и невольно мистифицирующую прошлое.

Сегодня мы имеем ту историю революции, которую заслужили за столетие хождения на поводу у лживых или ограниченных политиков. «Гении» и «злодеи», «пророки» и «шарлатаны» — все эти неуходящие персонажи нашего «непредсказуемого» прошлого, словно намеренно, менялись местами для того, чтобы освободить простор для вновь и вновь возрождающихся предрассудков. В результате мы получили историографию революции, соответствующую нашим когнитивным способностям, точнее — слабостям. С таким убогим багажом невозможно двигаться в будущее. Такие представления о величайшем социальном катаклизме слишком примитивны и плоски для современного уровня историографического самопознания. Величайшее потрясение прошлого заслуживает более фундированной и беспристрастно аргументи-

рованной оценки. В данном случае делается попытка двинуться по этому пути.

Привычка к умозрительному социологизированию, закономерно реактивирующаяся в переломные времена, уводит нас от *смыслов* «неуходящего» прошлого. Конечно, кто-то может сказать, что и фактологический фетишизм тормозит аналитический процесс. Но чего стоит теоретизирование на фоне тотального отчуждения от «плоти» собственного прошлого, непонимания его культурной праосновы?

Данная работа посвящена не непосредственной критике сложившихся представлений о революции, а попытке — в обход их — разглядеть ее «решающие» события через культурные коллизии того времени и/или увидеть «знакомое» прошлое глазами людей *того* времени. К сожалению, обыденное сознание склонно различать в культуре преимущественно искусство — специализированный продукт той или иной цивилизации. Простому человеку трудно вообразить, что он существует не просто внутри «своего» социума, а *внутри культуры*, что он в равной степени и «творец», и «жертва» ее. По большому счету именно интеллектуальное безволие блокирует познание революций (особенно российских) как системных кризисов, порожденных как глобальными, так и внутренними культурными сдвигами с их непременно болезненными психосоциальными последствиями.

Бывают времена, когда готовность к историографическому самообману становится психологическим противовесом реальным и надуманным ужасам прошлого, готовым вторгнуться в современность. Если в турбулентное время всякий неуравновешенный человек мог прикинуться «революционером», то через сто лет параноик, искренне его обличающий, претендует на звание патриота. И современный россиянин, конечно, готов бездумно поверить, что в 1917 г. его наивных предков можно было запросто увлечь неведомо куда или, попросту говоря, облапошить — в сущности, он вбрасывает в прошлое набор своих собственных качеств, уродливо гипертрофированных *mass media*. Для него прошлое состоит из «демонов революции» и их несчастных «жртв», причем такая установка становится все более распространенной — человек вновь перестает понимать, в каком мире, в какой культурной среде он живет.

Тяга к конспирологии неискоренима. Всем хочется узнать, кто выпустил джинна из бутылки. Но никто не готов поверить, что это

успешнее всего это может проделать не коварный злодей, а случайный дурак. В России эта роль лучше всего удастся человеку на троне.

Всякое «застойное» общество особенно бессильно перед культурными «взрывами». Начальный этап формирования гражданского общества предполагал перемешивание ее слоев и складывание некоего духовного целого под влиянием известного политического опыта. Соответственно этому культурная история революции призвана рассмотреть и пересмотреть взаимодействие «высокой» и «низкой», «урбанистической» и «аграрной», «модернистской» и «архаичной» культур. Это, в свою очередь, предполагает анализ взбаламученного «вихрями враждебными» информационного пространства с его слухами и фантазиями, страхами и предвосхищениями.

К началу XX в. человек утратил органичность мировосприятия, связанную с Верой. И то, что русские религиозные мыслители — от В. Соловьева до П. Флоренского — искали пути выработки «цельного знания», синтезирующего мистическое, рациональное и эмпирическое, а выдающиеся художники — от В. Кандинского до П. Филонова — пытались по-своему воплотить те же устремления, ломая привычные изобразительные формы, отнюдь не спасло российское культурное пространство от вытеснения наивных идеалов соблазнительными проектами, насаждаемыми демагогами. В результате откровения «высокой» культуры были сметены хтоническими выбросами традиции, укоренившейся в сознании и подсознании людского большинства. Таковы естественные последствия разрушения прежних моральных и эстетических иерархий.

Всякую культуру определяет Вера — не в узко конфессиональном, а в онтологическом смысле. Один из парадоксов русской культуры состоял в том, что библейские заповеди христианства стали представлять не столько официальная церковь, сколько литература и искусство, в значительной степени базирующиеся на первохристианском и протестантском этосе. Эпоха Просвещения (по-своему вклинившаяся в Россию) незаметно элиминировала старые формы религиозности. Об омертвлении русской церковной жизни писали едва ли не со времен А. Пушкина. К началу XX в. объективно вставала дилемма: либо привычная вера найдет в себе силы обозначить идеалы будущего, либо она уступит место некоей новой вере, способной выполнить эту задачу. Как известно, в этом

смысле русскую революцию постигла страшное разочарование. Возникает вопрос: почему? И действительно ли стал русский коммунизм реинкарнацией православного мессианства (Н. Бердяев)?

Несчастному двуногому существу, лишенному инстинктивной программы поведения, можно только посочувствовать: позади у него темное прошлое, впереди — пугающая неизвестность. Спасти может Вера — подобие путеводителя по жизни. Но что случится, если вера истощилась? Скорее всего, растерянный человек попытается двинуться по маршруту, проложенному традицией. Но вряд ли это вполне возможно — страсти сегодняшнего дня не позволят. Он скорее обратится не к традиции, а мифу, стоящему над ней, соединив его с новейшими утопиями. Но и миф, и утопия связаны с той же традицией в рамках культурного целого.

Революцию не случайно сопровождал не только выброс всевозможных утопий и предрассудков. Одновременно она высвободила все низменное в человеческой природе. Более того, жуткие формы насилия сочетались с «возвышенными» устремлениями. В общем, революция обнажила как истинную природу человека, социумов, «масс», так и пределы их культурно-ментальной конвенциональности.

Данная работа призвана показать также многообразие культурных (если угодно, псевдокультурных) ликов революции. Представленные контрасты и сформировали ее подлинное содержание, которое заслонялось этатистскими — с закономерной периодичностью перерастающими в конспирологические — банальностями политической истории. Когда реальность становится зыбкой, когда воображаемое и возможное, эмоциональное и рациональное, возвышенное и дурное вклиниваются друг в друга, образуя невероятную синергетическую «смесь», даже у теоретически подготовленных потомков то и дело возникают ментальные ступоры. И этот процесс не минует «самые свободные» виды творчества. Культура в широком смысле слова предполагает, что «не бывает потрясения в стилях музыки без потрясения важнейших политических законов» (Платон). О том, что в предреволюционное время была создана «Поэма огня» А. Скрябина, не стоит забывать.

Обозначенный в названии книги 1917 г. — дата не столько хронологическая, сколько символическая, сравнимая со значением 1789 г. в истории Великой французской революции. В том и другом случае революция потрясла мир, и там и здесь ее последующие «светлые» образы перемежались приступами ретроспектив-

ной паранойи. Люди, как всегда, не ведают что творят (пребывая в убеждении, что действуют разумно). Немногим героям данной книги дано было осознать, что российский революционный взрыв был связан (как показано в нашей предыдущей книге «Война, породившая революцию») с резонированием ритмов мировой и отечественной истории — слишком сильны были свои российские эмоции. Их можно понять. Другое дело — нынешние «обличители» революций, вольно спекулирующие фантомными болями прошлого.

Рукопись нынешней работы, к сожалению, успели увидеть немногие — сказалась «юбилейная» спешка. Среди них историк Борис Иванович Колоницкий, политолог Юрий Сергеевич Пивоваров, философ и писатель Владимир Карлович Кантор. Не меньшую благодарность выражаем официальным рецензентам, постаравшимся в максимально короткие сроки изучить текст и сделать некоторые принципиальные замечания.